

Точные семантические соответствия составляют почти третью часть рассматриваемых эквивалентных пар (pages — голыш, plavolases — блондин).

Группа существительных, употребляемых для внешней характеристики лиц в словенском и русском языках, характеризуется довольно большой семантической общностью. Шестую часть рассматриваемого материала составляют лексические соответствия (точное лексическое соответствие, лексическое соответствие, представленное точным семантическим планом и приблизительным формальным; лексическое соответствие с приблизительным формальным и точным семантическим планом). Точное лексическое соответствие представлено лишь пятью переводными парами. Почти половину рассматриваемых пар составляют семантические соответствия, которые характеризуются семантическим сходством при отсутствии сходства формального, из них 2/3 анализируемых переводных эквивалентов приходится на точные семантические соответствия. С другой стороны, в русском языке наиболее активно идет процесс субстантивации по сравнению со словенским.

¹ См.: Бельская В. А. Названия лиц по местности в словенском и русском языках // Вестн. Белорусского ун-та. 1987. Сер. 4. № 1.

² См.: Даль В. Толковый словарь. М., 1981. Т. 1—2.

³ См.: Словарные материалы-79. М., 1983.

⁴ См.: Новые слова и значения: Словарь-справочник. М., 1984.

С. Н. КОЛОЦЕЙ

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПОСЛОВИЦ

При анализе семантики пословиц возникает проблема соотношения между структурой пословицы, которая представляет собой предложение, и структурой ситуации, которую пословица должна передавать своей формой. Структурирование реальной ситуации требует соответствия каждому из элементов ситуации определенного члена предложения¹. Отображение элементов ситуации осуществляется на уровне таких категориальных понятий, как предмет — признак (качественный, количественный), производитель действия — действие, носитель состояния — состояние и др.² Для их обозначения в языке имеются определенные номинативные (имена, глаголы, прилагательные, наречия) и конструктивные средства. Связь указанных лингвистических понятий может быть представлена субъектно-предикатной расчлененностью высказывания, атрибутивным сочетанием. Таким образом, ситуация получает свое обозначение на уровне предложения, которое несет в себе все необходимые признаки локализации ситуации, в частности, ее предметность, модальность, время³.

Обращаясь к семантической структуре пословицы, мы должны признать, что обнаружить денотативные компоненты, «привязывающие» пословицу к реальной ситуации, довольно затруднительно. В качестве примеров можно привести несколько русских пословиц, а также их эквиваленты во французском языке: Нет дыма без огня. — Il n'y pas de fumée sans feu. Яблоко от яблони недалеко падает. — Le fruit ne tombe jamais loin de l'arbre.

Ни одна из названных пословиц не располагает денотативными компонентами, имеющими отношение к реальной ситуации. Сама номинация не является здесь прямым обозначением связи предметов или явлений действительности, так как отыскать элементы реальной действительности, соответствующие каким-либо членам «пословичного предложения», не представляется возможным. Следовательно, нельзя смешивать номинацию обычными предложениями и наименованием пословицами, поскольку пословицы не могут быть признаны предложениями, несмотря на то, что имеют структуру предложений.

Исходную основу семантической структуры предложения (высказывания) составляет его денотативный план, который как бы в статике передает связь предметов и явлений реальной действительности. Пословицы же характеризуются преобладанием сигнификативного плана над денотативным, так как принадлежат к числу языковых единиц, которым свойственно отсутствие реального объекта — экспонента денотата.

Сигнификативный компонент пословиц складывается из обобщения отношений субъекта как понятия (суждения) о тех предметах или явлениях и связи между ними, которые оцениваются данной номинативной единицей. Формирование сигнификативного компонента базируется на знании субъекта (говорящего) о том денотате, о котором идет речь в конкретной речевой ситуации. В предложении взаимосвязь и взаимообусловленность сигнификативных и денотативных компонентов проявляется в том, что в сигнификате содержится указание на денотат, так как само понятие признаков вызывает представление о предметах или явлениях, которым они присущи. В пословицах же сигнификативные компоненты представляют собой преломление наиболее существенных признаков предметов, явлений, связи предметов или явлений в сознании субъекта и содержат в себе указание (в зависимости от ситуации) на соответствующие компоненты, которые в совокупности и отражают общую направленность пословицы на тот или иной денотат.

Действительность (сфера денотации), смысл (сфера сигнификации) и языковая форма — три компонента, которые участвуют в процессе наименования. Механизм номинации можно представить как непосредственное отнесение семантики языковой единицы к элементу действительности, обозначаемому в данном наименовании. В нашем материале в качестве номинанта выступает готовая языковая форма — пословица. Например: *Les arbres cachent la forêt* (русский эквивалент — «Из-за деревьев леса не видно»).

В смысловой структуре этой пословицы отсутствуют денотативные компоненты, «привязывающие» ее к конкретной реальной ситуации. Поэтому в данном случае можно было бы говорить о номинации как о виртуальном значении предложения (условно — виртуальном значении пословицы). Именно на этом уровне понятийное содержание — «деревья мешают увидеть лес (вглубь, целиком)» — имеет прямую соотнесенность с конкретной ситуацией. Здесь речь идет о первичной прямой номинации. В употреблении пословицы первичное наименование остается, тогда как первичное значение, напротив, претерпевает существенные изменения. Денотативные компоненты семантической структуры уступают место сигнификативному компоненту («уходит» денотативное значение предложения), и появляется смысл пословицы — м о р а л ь — логический поучительный вывод. Мораль приведенной выше пословицы — «второстепенное мешает увидеть главное».

Формирование морали пословицы: «Что посеешь, то и пожнешь» или ее французского эквивалента: «*On récolte ce qu'on a semé*» происходит под непосредственным влиянием первичного значения (денотативного значения предложения) — «если плохо обработаешь поле, получишь плохой урожай». Первичное наименование остается прежним, но появляется вторичное значение пословицы — мораль: «каждый должен нести ответственность за последствия своих поступков».

Таким образом, семантическая структура пословиц характеризуется бинарностью — имплицитным первичным значением, соответствующим первичному собственно семнологическому принципу означивания, и вторичным (моралью), соответствующим принципу вторичного означивания. Иначе говоря, пословица есть результат двойного обозначения внеязыковой действительности: первичного наименования и вторичного, опосредованного и мотивированного первичным.

¹ См.: Сусов И. П. Ситуация как означаемое предложения на реляционном уровне // Вопросы английской и французской филологии. Тула, 1972. Вып. 8. С. 26;

Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972. С. 31.

² См.: Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977. С. 124.

³ См.: Как В. Г. К проблеме соотношения языка и действительности // Вопросы языкознания. 1972. № 5. С. 358.

А. П. ГРУЦА

ЛЕКСИЧНАЕ ГНЯЗДО З ДЗЕЯСЛОВАМ *ошукати* У ЯКАСЦІ АПОРНАГА СЛОВА ВА УСХОДНЕСЛАВЯНСКІХ МОВАХ

Адной з актуальных задач сучаснай лінгвістыкі з'яўляецца вывучэнне асаблівасцей утварэння новых слоў, аб'яднанне іх у гнёзды па паходжанню ад аднаго караня, па сучасных марфалагічных ці семантычных сувязях, а таксама замацаванне і функцыяніраванне асабліва ў блізкароднасных мовах. У гэтай сувязі пэўную цікавасць уяўляе складванне лексічнага гнязда з дзеясловам *ошукати*, які, як адзначае М. Фасмер, усходнеславянскімі мовамі запазычаны з польскай¹. Аднак лёс гэтага дзеяслова ў розных усходнеславянскіх мовах склаўся па-рознаму. Сучаснай рускай літаратурнай мове ён невядомы. Ва ўкраінскай мове, акрамя *ошукати* ў значэнні «абмануць, абманваць», адзначаюцца такія вытворныя ад яго, як *ошуканець*, *ошукач* «абманшчык», *ошукання*, *ошуканство* «абман, мана», *ошукувати* «абмануць, абманваць», *ошукатися*, *ошукуватися* «абмануцца, абманвацца»².

Пры перакладзе рускага *обмануть* і вытворных ад яго ўкраінскія адпаведнікі ад *ошукати* звычайна прыводзяцца (іншы раз з паметамі абласное і размоўнае) пасля другіх больш распаўсюджаных сінонімаў (Гл. Русско-український словарь. Киев. 1982. Т. 2. С. 230—231). Словником староукраїнскай мовы (Киев, 1978) ні дзеяслоў *ошукати*, ні вытворныя ад яго не зафіксаваны. Што датычыць беларускай мовы, то шырокая распаўсюджанасць дзеяслова *ошукати* адзначаецца ў ёй з канца XVI стагоддзя. Пры гэтым у розных па жанру помніках старабеларускай пісьменнасці ён ужываецца не толькі са значэннямі «наўмысна сказаць няпраўду, схлусіць» (чёмусь нас ошукал, могль бы ся был хто з людей зыйтиса з женою твоею, и привел бысь на нас грехъ великий.— Біблія, 59; И рекла до него долида: што мене ошукальсь и неправду поведальсь.— Там жа, 1326), «свядома ўвесці ў зман якім-небудзь спосабам для ўласнай карысці, абмануць, абхітрыць» (Братія стерожетеса, абы вас некто не ошукал філософією.— Каз. Кір., 446; там бы ихъ ошукал, если бы блудячих слухати розказаль.— Апакр., 59; я тебе служилъ есмъ для рахили, а тысь мене ошукаль.— Біблія, 65; ярополка... я упредивши без сточеня битвы звалчу, а моею хитрою порадою ошукаю.— Стрыйк., 4636; А ижъ Варлаамъ, который тебе ошукаль, окованый оу мене естъ.— Варл., 2296; он сам нас ошукал.— Зб. 752, 4656; и рекль Авимелехъ: чемусь нас ошукал.— Хран. 406; купуючи, и продаючи, чи не ошукав кого; чи не бравъ лихвы.— Зб. вып., 43), але і ў значэнні «спакусіць, падманваючы, дамагаючыся чаго-небудзь» (такъ ужъ зъ початку высокамисльностью и пыхою ошукаль Адама.— Мак., 254; през еи тежъ потом Адама... ошукаль.— Варл., 49; Прельщаю: ошукую, зожу, подхожу, оманюю.— Бяр., 121; снь иоанна драсда ошукал мя и пополнилъ грехъ со мъною.— Зб. 82, 20).

Менавіта ў гэтых значэннях разглядаемы дзеяслоў з заменай пачатковага *о* на *а* і канечнага *т'* на *ц'* у выніку акання і цекання замацаваўся ў сучаснай беларускай літаратурнай мове (Гл.: Глумачальны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1977. Т. 1. С. 316).

Бясспрэчную цікавасць уяўляюць выпадкі ўжывання дзеяслова *ошукати* ў зыходным значэнні «абшукаць, старанна аглядзець усё, шукаючы чаго-небудзь», што ў сваю чаргу сведчыць аб паходжанні яго ад дзеяслова *шукаць* (она спешно болваны под седло велблюдови скрила, и села на нем, а коли весь наметъ ошукав, а ничего не нашол, рекла ему: